

УТВЕРЖДАЮ

Первый проректор
Федерального государственного
автономного образовательного
учреждения высшего образования
«Волгоградский государственный
университет», доктор экономических
наук, доцент

В.А. Дзедик

«29» августа 2025 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» на диссертацию Корчагиной Кристины Александровны «Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Актуальность темы диссертационного исследования. Значение прокурора как участника в уголовном процессе сложно переоценить. Ведь он выступает в качестве ведущего и основного субъекта уголовного преследования, поскольку именно он представляет государственное обвинение в суде. Эффективному выполнению этой функции способствует его надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Полномочия прокурора определены в ст. 37 УПК РФ, в которой аналогично положениям Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» говорится о двух осуществляемых им функциях: осуществление уголовного преследования от имени государства и надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

С 1 июля 2020 года функции прокуратуры Российской Федерации в области надзора и уголовного преследования закреплены в Конституции

Входящий № 206-1687
Дата 10 СЕН 2025
Самарский университет

РФ. Однако качество законодательного регулирования полномочий прокуроров и других должностных лиц органов прокуратуры в рамках уголовного процесса до сих пор не позволяет четко определить их место и роль среди участников уголовного судопроизводства и установить содержание и границы их правосубъектности в выполнении возложенных на них функций.

Имеющиеся в науке проблемы, касающиеся субъекта органа прокуратуры или конкретных должностных лиц органов прокуратуры; отсутствие в УПК РФ четкого разграничения процессуальных функций прокурора, не позволяющее очертить границы правосубъектности прокурора как надзирающего субъекта и как субъекта, осуществляющего уголовное преследование; отсутствие четкой правовой регламентации об участии должностных лиц органов прокуратуры в судебных заседаниях досудебного производства и проводимых после вступления приговора в законную силу и многие другие обуславливают необходимость проведения подробных научных исследований. В этой связи тема диссертационного исследования, выбранная К.А. Корчагиной, представляется весьма актуальной.

Научная новизна диссертационного исследования выражена в системном анализе роли, места и полномочий прокурора и других прокурорских работников в уголовном судопроизводстве в аспекте их уголовно-процессуальной правосубъектности. Обосновано, что надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования по своей правовой природе не является уголовно-процессуальной деятельностью, а представляет собой самостоятельный вид государственно-властной деятельности. Доказана необходимость выделения отдельной функции прокурора в уголовном судопроизводстве – защиты установленного правопорядка (правозащитной функции). Аргументирована необходимость включения в перечень участников уголовного судопроизводства нового субъекта - представителя прокурора,

в статусе которого должностные лица органов прокуратуры по поручению прокурора участвуют в судебных заседаниях в досудебном производстве и после вступления приговора в законную силу.

Научная состоятельность, обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования обеспечены использованной автором методологией и базируются, во-первых, на должной теоретической основе, которую образуют достаточное количество научных источников фундаментального и прикладного характера, материалы судебной и прокурорской практики, официальные статистические данные, а также результаты социологических опросов, сбор которых проводился с 2021 по 2025 годы; во-вторых, на достаточной эмпирической базе, полученной в результате изучения и анализа правоприменительной практики органов прокуратуры Российской Федерации, а также судебных решений по уголовным делам, вынесенных на различных стадиях уголовного судопроизводства. В исследовании использованы статистические данные о работе органов прокуратуры, представленные на официальных сайтах Генеральной прокуратуры РФ, Верховного Суда РФ, официальном сайте Судебной статистики РФ и других источниках официальной информации. Эмпирическую основу составили материалы 187 уголовных дел и надзорных производств, что позволило оценить практическую реализацию функций прокурора на разных стадиях уголовного процесса. Анализ судебной практики, а также наблюдения за деятельностью должностных лиц органов прокуратуры в конкретных правоприменительных ситуациях способствовали получению репрезентативных данных для выработки научных выводов. Кроме того, по специально разработанным анкетам опрошено 124 должностных лица органов прокуратуры, 32 сотрудника Следственного комитета и 85 адвокатов.

Для познания правовых явлений диссертантом использовался надлежащий научный инструментарий. **Методологическая основа**

диссертации представлена сочетанием общенаучных и частно-научных методов исследования. В основе диссертационного исследования лежит общетеоретическая концепция правосубъектности, доработанная автором и примененная в целях исследования.

Теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования. Теоретическое значение подтверждается результатами исследования, которые вносят существенный вклад в теорию уголовно-процессуального права и могут составить научную основу для совершенствования правового регулирования статуса должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, в том числе для определения места и роли прокурора, государственного обвинителя и представителя прокурора в системе участников досудебного и судебного производства по уголовным делам. Практическая значимость исследования проявляется в том, что сформулированные выводы и предложения могут выступать основой для реформирования уголовно-процессуального законодательства в части регламентации процессуального статуса должностных лиц органов прокуратуры и их полномочий по реализации надзора и уголовно-процессуальных функций [с. 14].

Апробация результатов исследования подтверждает достоверность выводов и положений, изложенных в диссертации. Отдельные выводы и положения проведенного исследования докладывались на заседаниях кафедры уголовного права и процесса Тольяттинского государственного университета и используются автором в преподавательской деятельности. Результаты проведенного исследования опубликованы в 7 научных публикациях, в том числе в 6 научных статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций. Положения диссертационного исследования

обсуждались на научно-представительских мероприятиях различного уровня [с. 15-16].

По форме и содержанию представленная работа соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук. При написании работы автор придерживался научного стиля изложения и принятой в юридической науке и законодательстве терминологии.

Материал диссертации удачно структурирован, изложен логично и в полном соответствии с целью и задачами исследования. Названия глав и параграфов адекватно отражают их содержание. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих девять параграфов, заключения, списка литературы, а также приложений.

Автореферат соответствует диссертации и отражает ее содержание.

Достижению **цели** диссертационного исследования, состоящей в разработке и обосновании положений, раскрывающих теоретические и нормативно-правовые основания правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве [с. 8], способствовала правильная постановка и решение **задач**: провести анализ понятия правосубъектности в общей теории права и уголовно-процессуальной науке; выявить соотношение правосубъектности с понятиями – субъект права, правоспособность, дееспособность, правовой статус; выявить способы приобретения уголовно-процессуальной правосубъектности участниками уголовного судопроизводства, в том числе должностными лицами органов прокуратуры; раскрыть соотношение должностных статусов прокурорских работников и их правосубъектности в уголовном судопроизводстве; определить правовую природу, структуру и содержание правосубъектности прокурора как участника уголовного судопроизводства; проанализировать и сгруппировать полномочия прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования; проанализировать и сгруппировать полномочия прокурора

по осуществлению уголовного преследования в досудебном и судебном производстве; проанализировать уголовно-процессуальную правосубъектность государственного обвинителя; обозначить пробелы в уголовно процессуальном статусе государственного обвинителя; обосновать необходимость введения нового участника от органов прокуратуры «представителя прокурора»; обозначить его уголовно-процессуальную правосубъектность[с. 8-9].

Большинство выводов и предложений, сформулированных в диссертации, заслуживают поддержки.

Диссертантом вполне обоснованно в качестве начала исследования избраны теоретические вопросы, связанные с пониманием термина «правосубъектность», поскольку определение данной категории позволяет раскрыть сущность избранной темы и направление дальнейшей работы.

Для выделения авторского определения правосубъектности, проанализированы имеющиеся схожие научные дефиниции как в области уголовно-процессуального права, так и иных отраслей права. Диссертант обоснованно отграничивает близкие правовые категории, такие как правоспособность и дееспособность. Первая выступает в качестве способности лица быть носителем юридических прав и обязанностей, а вторая обозначает способность лица своими действиями реализовывать права и исполнять обязанности [с. 18, 19].

Удачно и утверждение о том, что указанные категории не являются тождественными правосубъектности и их не стоит смешивать. С учетом изложенного, заслуживает внимания вывод автора о том, что в содержание правосубъектности входят как правоспособность, так и дееспособность в совокупности [с. 20]. Диссертантом выделены два способа приобретения лицом правосубъектности: возникновение правосубъектности и формирование правосубъектности [с. 27].

На основе проведенного анализа имеющихся подходов к пониманию правосубъектности в различных отраслях права, автор предлагает

понимать под уголовно-процессуальной правосубъектностью сущностное свойство субъекта уголовно-процессуального права, приобретаемое им в результате получения процессуального статуса с соответствующей право- и дееспособностью, и свидетельствующее о его готовности вступать в уголовно-процессуальные правоотношения [с. 30].

Вызывают определенный интерес рассуждения автора о соотношении в уголовно-процессуальном праве понятий «субъект права» и «участники уголовного судопроизводства». Отмечается, что понятие субъектов уголовно-процессуального права шире понятия участников судопроизводства, систематизированных в действующем законодательстве, а проблема субъектов уголовно процессуального права заключается не столько в несовпадении с понятием «участники судопроизводства», сколько в отсутствии должного правового регулирования в целом системы субъектов данной отрасли права и их правового статуса [с. 33-34].

С учетом изложенного, заслуживает внимания предложенная в диссертации позиция о возможности формирования у дознавателя, следователя и судьи уголовно-процессуальной правосубъектности в два этапа: приобретение гражданином государственно-властного статуса, включающего уголовно-процессуальную правоспособность, и наделение уголовно-процессуальной дееспособностью по конкретному уголовному делу, формирующее уголовно-процессуальную правосубъектность [с. 44-45].

Следует полностью согласиться с высказанным в диссертации предложением о принятии прокурором решения о назначении гособвинителя одновременно с утверждением обвинительного заключения (акта, постановления). В этой связи автор предлагает считать данный момент началом вступления в судопроизводство гособвинителя. Дискуссионным является и момент окончания статуса государственного обвинителя, так как он прямо не определен в УПК РФ [с. 59-60].

Должностная правосубъектность прокурора действует в течение всей его службы и прекращается в связи с освобождением от должности, она имеет всеобъемлющий и универсальный характер, позволяющий прокурору вступать в любые правоотношения в пределах своей юрисдикции, в т. ч. в сфере уголовного юрисдикционного производства [с. 85].

Следует поддержать идею автора о том, что целью прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве является обеспечение верховенства закона в деятельности органов предварительного расследования, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Предметом прокурорского надзора в уголовном процессе является исполнение органами расследования положений УПК РФ, а его целью – выявление действий и решений органов расследования, нарушающих нормы УПК РФ [с. 91].

Диссертант справедливо отмечает, что предметом прокурорского надзора за исполнением законов органами расследования являются вынесенные в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования процессуальные решения органов дознания и предварительного следствия, ограничивающие или затрагивающие права и свободы человека и гражданина [с. 101].

Анализируя классификационные особенности полномочий прокурора в досудебном производстве, диссертант формулирует закономерности в формировании надзорных полномочий прокурора. В частности, отмечается, что основу моделирования полномочий составляют надзорные конституционные права и свободы человека; предметом прокурорского надзора являются процессуальные решения органа расследования, ограничивающие конституционные права и свободы человека; полномочия прокурора должны быть достаточными для объективной оценки процессуальных решений органов расследования на соответствие их действующему законодательству; полномочия прокурора

должны быть достаточными для предупреждения или устранения выявленных в ходе надзора нарушений в деятельности органов предварительного расследования [с. 103-104].

Представляют интерес и высказанные в диссертации идеи относительно досудебного характера соглашения о сотрудничестве означающего, что целесообразность его заключения существует в стадии предварительного расследования, как раз тогда, когда следователь не обладает «полной информацией». При этом значимость заключенного соглашения и полнота его исполнения проявляются в судебных стадиях, существенно влияя на вид, объем и содержание назначаемого наказания. Учитывая, что именно прокурор отвечает за поддержание государственного обвинения в судебном производстве и в целом за осуществление уголовного преследования в отношении виновных лиц, возложение на него рассматриваемых полномочий оправданно и понятно [с. 125].

Применительно к использованию законодателем в УПК РФ, в третьей части «Судебное производство» термина «прокурор» диссертант отмечает, что оно не аналогично пониманию в досудебных стадиях, где значение термина «прокурор» определялось на основании ч. 5 ст. 37 УПК РФ – как руководителя органа прокуратуры. В судебном производстве «прокурор» понимается преимущественно как должностное лицо органа прокуратуры в статусе государственного обвинителя [с. 129].

Отдельное внимание уделено в диссертации вопросу о статусе государственного обвинителя с точки зрения качества его правового оформления в действующем законодательстве, относительно каждого из элементов, составляющих его правовой статус, а именно: 1) имя субъекта права; 2) основания получения и прекращения статуса; 3) способ приобретения правосубъектности (правоспособности и дееспособности); 4) права, обязанности, ответственность (процессуальные полномочия) [с. 143-153].

Заслуживает внимания предложение о введении в сферу уголовно-процессуального регулирования термина «представитель прокурора» и обозначение данным именем субъекта уголовно-процессуального права (участника уголовного судопроизводства), появляющегося в результате делегирования прокурором подчиненному должностному лицу органа прокуратуры отдельных прокурорских полномочий для участия в судебном заседании в досудебном производстве или после вступления приговора в законную силу путем изменения редакции п. 31 ст. 5 УПК РФ и добавления нового пункта 31¹ [с. 157, 168].

Содержатся в работе и другие заслуживающие внимания положения, а также значимые предложения по совершенствованию действующего уголовно-процессуального законодательства, многие из которых, в случае их реализации, могли бы способствовать существенному повышению эффективности деятельности прокурора в уголовном процессе.

Все вышесказанное свидетельствует о высоком уровне проведенного К.А. Корчагиной диссертационного исследования, его несомненной результативности, большой значимости для науки уголовного процесса, а также совершенствования законодательства и практики применения соответствующих правовых норм.

Вместе с тем, по диссертации следует высказать и ряд **замечаний**:

1. Автор классифицирует уголовно-процессуальные полномочия прокурора в зависимости от возможности делегирования их подчиненным работникам на исключительные и делегируемые. К первым отнесены только полномочия по формированию (утверждению) государственного обвинения [с. 13], однако не упомянуты, например, полномочия Генерального прокурора РФ или его заместителя на принесение надзорных жалоб (ч. 3 ст. 412.3 УПК РФ). Означает ли это, что данное полномочие, по мнению диссертанта, является делегируемым?

2. Диссертант полагает, что органы расследования не входят в круг субъектов, обеспечивающих уголовное преследование [с. 77, 119]. В этой

связи возникают вопросы о том, с какого момента начинается осуществление уголовного преследования и в чем заключается его сущность?

3. По мнению автора, «позиционирование прокурора, исполняющего надзорные полномочия в качестве участника стороны обвинения, дискредитирует его истинное предназначение как государственного органа, обеспечивающего надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением федерального законодательства в интересах гражданина, общества и государства во всех сферах общественной жизни» [с. 116]. Но если принять во внимание, что в судебном производстве прокурор поддерживает государственное обвинение, то к какой группе участников уголовного процесса его, по мнению автора, необходимо относить?

Конечно, высказанные замечания сами по себе не бесспорны и не влияют на общую высокую оценку проведенного диссертационного исследования.

Представленная диссертация обладает внутренним единством, отличается новизной, является самостоятельной научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития науки уголовного процесса и правоприменительной практики.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что диссертация на тему: «Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве» соответствует специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки, полностью отвечает критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор – Корчагина Кристина Александровна – заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Отзыв подготовлен доцентом кафедры уголовного права и процесса, кандидатом юридических наук (12.00.09 – Уголовный процесс), доцентом А.В. Миликовой, обсужден и одобрен на заседании кафедры уголовного права и процесса «29» августа 2025 г. (протокол №12).

Заведующий кафедрой уголовного права
и процесса ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»,
доктор юридических наук, профессор

Лобанова

Любовь Валентиновна

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»
адрес: 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100
тел.: +7 (8442) 46-02-63; e-mail: ob.otdel@volsu.ru; web-сайт: <https://volsu.ru/>